

«ЗНАМЕНИТОСТЬ» В ИСТОРИИ, ИСТОРИЯ «ЗНАМЕНИТОСТЕЙ»

УДК 930: 316.7

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-5-12

Ссылка для цитирования: Шнейдер К. И. Феномен «знаменитости» в российском публичном пространстве первой половины XIX века: теоретические основания // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 5–12.

ФЕНОМЕН «ЗНАМЕНИТОСТИ» В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

К. И. Шнейдер

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

kshneyder@yahoo.com

ORCID: 0000-0003-1762-0815

ResearcherID: I-9107-2018

В современной историографии феномен «селебрیتی» привлекает пристальное внимание специалистов и экспертов. Изучение этого явления тесно связано с историей возникновения и развития публичной сферы, публичности, публики и общественного мнения. В предлагаемой статье рассматриваются исторический контекст становления публичной сферы в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в., концептуальные положения модели публичности Ю. Хабермаса и теории «селебрیتی» А. Лилти, являющихся основными методологическими ориентирами при изучении конструкции «знаменитости» в пространстве публичности, мнения современных исследователей по заявленной теме. В тексте уделяется внимание темпоральным особенностям генезиса публичной сферы в условиях существования жесткого самодержавного режима в России. Представлена версия о многофакторной и разновременной истории российской европеизации в XVIII столетии, позволяющая интегрировать Россию в контекст европейских модерновых процессов в краткосрочной перспективе. В соответствии с ней общество пережило сначала «петровскую» – сугубо внешнеполитическую – волну европеизации, благодаря которой появилось имперское государство с правом его участия в европейских международных делах. Естественным следствием предшествующего периода стала «екатерининская» – внутривполитическая – волна европеизации, импортировавшая в страну западную аксиологию, нормы и практики европейского управления, перемены в повседневной жизни дворянства и т.д. В статье содержится анализ конкретно-исторической ситуации в России в первой половине XIX в., детерминировавшей временной маршрут движения к утверждению полноценного публичного пространства в социуме. В заключение определены базовые факторы, способствовавшие утверждению феномена «селебрیتی» в отечественной публичной сфере.

Ключевые слова: «селебрیتی», публичная сфера, публика, репутация, слава, европеизация, история России XIX в.

«Целый вечер смотрел я на это изображение человека, который дал нам право на историю и едва ли не один заявил наше историческое призвание» [Т. Н. Грановский..., 1897, с. 453], – восторженно писал в своем письме о Петре I известный историк, мыслитель и «западник» Т. Н. Грановский в середине XIX столетия. Прижизненная и посмертная слава Петра Великого, «Отца Отечества» и одновременно Антихриста, лжецаря формирует амбивалентные образы отечественной традиции эпохи раннего модерна. В век европейского Просвещения Россия пережила как минимум две «волны европеизации».

Первая – «петровская» – превратила Московию в имперское государство, став безальтернативным ответом на цивилизационный вызов конца XVII в. Она являлась сугубо внешнеполи-

тическим феноменом, позволившим интегрировать Россию в систему международных отношений Европы. Вместе с тем эта волна определила исторический вектор развития российского общества и обрекла его на следующий этап модернизации – «внутреннюю европеизацию» – в эпоху Екатерины Великой. «Просвещенное самодержавие», верховенство закона, «истинная монархия», десакрализация и самоограничение власти инструментализировали трансфер европейских ценностей в Россию. Этот курс превратился в государственный стандарт внутренней политики всех последующих императоров (за исключением Павла I), исчерпав свои креативные возможности на пике Великих реформ 1860–1870-х гг. Благодаря политике «просвещенного самодержавия» в России появилась модель эволюционной трансформации общества «сверху» с краткосрочной перспективой конституционных преобразований.

Начало «внутренней европеизации» во второй половине XVIII в. инициировало многие политические и социокультурные изменения в российском социуме, происходившие в режиме «контролируемой темпоральности». В частности, рецепция просвещенческой аксиологии постепенно формировала очень узкий круг интеллектуально продвинутых критиков местных порядков и адептов западной исторической альтернативы. В отличие от Западной Европы, в екатерининской России не было условий для появления зачатков публичности и публичной сферы как таковой. Политика «просвещенного самодержавия» императрицы опиралась на идею безусловного сохранения неограниченной верховной власти монарха, жестко пресекающего любые проявления вольнодумства и независимости.

И вместе с тем можно говорить об образовании весьма специфического пространства, «карликового» по размерам, аристократического по статусу и придворного по положению, которое стало насыщаться новыми идеями, пришедшими с Запада. Это были микросообщества избранных императрицей дискуссионщиков, способных вольнодумствовать в обозначенных границах. Политизация общественных отношений в Европе, вызванная Французской революцией, напугала просвещенную, но все же самодержавную российскую власть. Очевидно, что в короткое время в конце царствования Екатерины II весьма скромные практики интеллектуальных дискуссий были уничтожены, а некоторые участники даже сурово наказаны.

В целом социальная история России второй половины XVIII столетия характеризуется знаковыми структурными трансформациями. Политика «просвещенного самодержавия» как базовое содержательное наполнение «внутренней европеизации» страны завершила процесс формирования сословий, среди которых только дворянство могло претендовать на относительно автономный статус. Важно отметить, что государство добровольно, по собственной инициативе законодательно обеспечило дворянские свободы, осуществив тем самым курс на самоограничение своих властных полномочий по отношению к этой привилегированной группе. Верховная власть санкционировала и сопровождала генезис частноправовой организации дворянского сословия, что предполагало в перспективе репрезентацию его публичности.

Императрица Екатерина II декларировала и практически осуществляла просвещенческий принцип верховенства закона в условиях политического доминирования самодержавного режима. Любой проект мог превратиться в законодательную норму исключительно по воле монарха, однако после одобрения высшей инстанцией закон приобретал статус безусловного авторитета в обществе. Нарушения или попытки его пересмотра могли иметь очень серьезные негативные последствия лично для самодержца, что особенно ярко продемонстрировала история Павла I в начале XIX столетия. Скорее всего, именно с внутренних реформ Екатерины Великой можно начинать отсчет политической практики разграничения государственного и общественного пространства в России. Этот процесс во второй половине XVIII в. был слабо различимым следствием преобразовательных усилий императрицы, особенно в конце ее царствования, однако богатая на события история российского дворянства первой четверти следующего века все же позволяет делать подобное предположение.

Совсем не случайно, например, генезис российской либеральной традиции принято связывать с екатерининской эпохой как с временем модных увлечений вольнодумством и европейскими идеями в среде просвещенного дворянства. Несмотря на отсутствие каких-либо явных социально-экономических или политических индикаторов современного транзита России в данный период, привилегированный статус первого сословия создавал правовые и социокультурные условия для обустройства частной сферы. Очевидной особенностью описываемого процес-

са можно считать инициативную роль государства, выступавшего в роли триггера приживления на отечественной почве престижных для просвещенной власти европейских новаций. Добровольная десакрализация монаршего института неизбежно модернизировала характер социально-политической коммуникации в высших эшелонах. В постепенно обновляющейся переходной реальности самодержавие нуждалось в формировании и воспитании своего самого близкого союзника в лице дворянства как единственной потенциально лояльной к режиму силы.

Приватная автономия российского просвещенного дворянства в конце XVIII столетия опиралась на безусловное владение частной собственностью, правовой сословный статус, образовательный ценз с обязательной модой на чтение современной иностранной литературы и т.д. Дарованные «сверху» привилегии не разрывали, но увеличивали дистанцию между властью и дворянской элитой, запуская в действие механизм ее самоидентификации, с трудом преодолевавшую господствовавшую традицию политического патернализма. Главным в повестке дня первого российского сословия становилось удержание приобретенного положения, прежде всего от весьма изменчивых интенций императорского двора. Для этого использовались разнообразные методы – от заговора и цареубийства до содержательных просветительских усилий близкого монаршего окружения.

В любом случае политическое и социокультурное движение российского общества во второй половине XVIII столетия резко увеличивало шансы на появление незаадминистрированного пространства «дворянской публичности», которое бы идейно насыщалось европейской просветительской аксиологией и создавало условия для будущей интеллектуальной рецепции принципов либерального правового государства уже в следующем веке. Обособление дворянства, ставшее результатом правовых гарантий государства, имущественная независимость и образовательный ценз в совокупности с внешнеполитическими событиями первых двух десятилетий XIX в. вывели часть представителей сословной элиты в публичную сферу. В этот период дворяне вышли из интимного семейного и частного корпоративного круга и предъявили свои мировоззренческие принципы российскому социуму.

В первой четверти XIX столетия, в эпоху правления императора Александра I, дворянская публичная сфера формировалась параллельно по двум направлениям. Во-первых, это появление авторитетного публичного мнения (*public opinion*) при дворе в окружении монарха. Деятельность Негласного комитета и особенно М. М. Сперанского (несмотря на происхождение из духовного сословия) делало возможным не только практику воздействия на самодержца посредством убеждения, но и подготовку, обсуждение и реализацию некоторых важных реформаторских проектов. Более того, в этом пространстве активно развивалась конкуренция, продиктованная как традиционной борьбой за влияние, так и не в меньшей степени содержанием представляемых суждений. В роли эрзац-публики выступали придворные сановники и высокие чины, вынужденные в разной степени участвовать в полемических спорах о насущных проблемах преобразований в России.

Во-вторых, история тайных организаций декабристов и открытые выступления в публичном пространстве манифестировали наличие статусно-правовой и интеллектуальной дворянской автономии от верховной самодержавной власти. Известные декабристские программы свидетельствовали об активной рецепции европейских либеральных ценностей, пока еще в значительной степени механической без «приживления» их на российской почве. В целом, феномен декабризма развивал и подтверждал идущий в России процесс разграничения государственной и общественной сферы, в которой представители первого сословия заняли доминирующие позиции. Все эти события не выходили за рамки традиционной формы публичности с исключением низших слоев населения, где «народ образует кулисы, перед которыми господствующие сословия – дворяне, церковные иерархи, короли и т.д. – представляют самих себя и собственный статус» [Хабермас, 2016, с. 14]. Можно ли говорить о том, что в России в первой четверти XIX столетия в пространстве еще только формируемой публичной сферы появляется феномен «селебрити»? Безусловно, нет.

Концептуальная дискуссия о знаменитости может вестись в рамках известной теории современного французского специалиста А. Лилти, который выделяет три «формы признания» в обществе: «репутация», «знаменитость» и «слава» [Лилти, 2018]. В этой иерархичной конструкции нижнюю ступень занимает «репутация», складывающаяся посредством «социализа-

ции мнений» ближнего к человеку круга общения: личного, профессионального, общественно-го, случайного и т.д. Иными словами, репутация возникает из персональной формальной и неформальной коммуникации и является обязательным атрибутом личностной характеристики любого индивида, своеобразной коллективной оценкой его теми, кто знаком или пересекался с ним лицом к лицу (face to face). Таким образом, речь идет, с одной стороны, о прижизненном темпоральном, а, с другой, ограниченном пространственном измерении. Репутация, как правило, не «передается по наследству» и не распространяется за границы достаточно узкого коммуникационного поля.

Понятие «слава», занимающее верхнюю строчку на иерархическом пьедестале, напротив, имеет принципиально иные коннотации. Оно относится к «героям, святым, выдающимся личностям, ко всем тем фигурам, чье прославление всегда играло существенную роль в западной культуре, а в Новое время вылилось в появление образа “великого человека”, столь милого сердцу философов-просветителей...» [Там же, с. 11]. Достижение славы почти всегда сопряжено с незаурядными действиями, поступками, творениями, позволяющими создать соответствующий ореол конкретной личности. Традиционно подобный статус приобретает посмертно при единодушном (или подавляющем) одобрении в коллективном сознании потомков и является эксклюзивным. Список людей, удостоенных славы, по определению не может быть длинным. Ее коммеморативность детерминирует длительный процесс укоренения той или иной фигуры в героическом каноне великих исторических персонажей. Вместе с тем совершенно не исключено, что со временем в него будут внесены самые неожиданные коррективы.

Между «репутацией» (reputation) и «славой» (glory), по мнению Лилти, следует разместить категорию «знаменитость» (celebrity). Генезис феномена «селебрити» автор относит к XVIII столетию и считает это результатом трансформации публичного пространства и первоначальных попыток коммерциализации развлечений. Отграничивая знаменитость от смежных понятий, Лилти утверждает, что знаменитая личность «знакома тем, у кого нет ни малейших причин иметь о ней какое-либо мнение, кто прямо никак не заинтересован в вынесении собственных суждений о ее личных качествах и профессиональных навыках» [Там же, с. 12].

С одной стороны, «селебрити» имеет дело не с узким кругом людей, а с публикой, не коммуницирующей непосредственно со знаменитостью. Быть известным и знаменитым в публичном пространстве значит обязательно вызывать общественное любопытство, эмоционально окрашенное в разные тона – от восхищения до полного неприятия. С другой стороны, непременным условием является поддержание интереса к себе, так как речь в данном случае идет о публичном персонаже. Это объясняется темпоральной природой знаменитости, которая существует «здесь и сейчас», чужда всякой коммеморативности и слабо связана с какой-либо профессиональной деятельностью. Не столь важно, чем занимается тот ли иной знаменитый человек, важно, насколько он способен будоражить общественное мнение. «Селебрити» целиком становится объектом публичного внимания с очевидным акцентом на частную невидимую жизнь новоявленного кумира. Возникает сильная эмоциональная привязанность к знаменитости, воплощающаяся в фигуре фаната.

Лилти критически относится к классическим рассуждениям немецкого социолога и философа Ю. Хабермаса о буржуазном, просвещенном и либеральном типе публичного пространства XVIII столетия, которое пережило радикальную структурную трансформацию в последующие два века под воздействием массмедиа и процесса коммерциализации социальных связей. По версии французского специалиста, это редуцирует и идеализирует общество эпохи Просвещения и препятствует многофакторному анализу публики того времени. Публику формирует «не обмен рациональными аргументами, а общее любопытство к чему-то и общая вера во что-то, интерес к одним и тем же вещам в один и тот же момент и осознание синхронности проявления этого интереса» [Там же, с. 17].

Здесь важное место занимало общественное мнение с пристальным вниманием к частной жизни известных персонажей, а не только практический интерес к значимой социально-политической повестке. Иначе говоря, Лилти предлагает насыщать дискурс публичности разнообразными, в первую очередь эмоциональными коннотациями, одновременно влияющими и формируемыми структурами рынка и массовой культурой. В данном случае эмпатические переживания людей во многом связаны с эгалитарным восприятием знаменитости, которую род-

нит с публикой как ощущение принадлежности к элите, с одной стороны, так и (даже в большей степени) самоидентификация простых смертных с галереей «селебрити», с другой. Теоретическая конструкция Лилти претендует на универсальный статус концептуальной модели изучения феномена «знаменитости» вне зависимости от территориальной принадлежности, что позволяет использовать ее применительно к историческим реалиям России XIX столетия.

После декабристов в течение следующей четверти века в российской образованной части общества происходили разнонаправленные процессы саморефлексии и поиска новой версии национального обновления. Политическая элита продолжала успешно эксплуатировать екатерининский курс «просвещенного самодержавия» посредством реформаторских усилий, законотворческой деятельности и активных идеологических посылов, направленных на удержание за собой ведущих позиций в модернизационном движении. Даже после европейских и польских событий начала 1830-х гг. режим императора Николая I не полностью отказался от преобразовательной политики, сосредоточившись в основном на подготовке будущих изменений. Вместе с тем следует учитывать появление в это время нового законодательства и меры, предпринятые в решении крестьянской проблемы на рубеже 1830–1840-х гг., которые будут востребованы в период проведения Великих реформ.

Одновременно Николаевское тридцатилетие стало временем идеологического обновления образа российского самодержавия. Появление знаменитой триады С. С. Уварова «православие – самодержавие – народность», метко названной А. Н. Пыпиным «теорией официальной народности», подтверждает стремление власти контролировать начавшиеся процессы национального строительства. При этом императорская власть в данной концепции легитимирована «не божественной санкцией, но “положением”, “нуждами” и “желаниями” страны, то есть представляет собой по преимуществу “русскую власть”, так же, как и православие интерпретируется, прежде всего, как русская вера. Тем самым два первых члена триады выступают в качестве своего рода атрибутов национального бытия и национальной истории и оказываются укоренены в третьем – пресловутой народности» [Зорин, 2004, с. 362].

Кроме того, начавшиеся еще в эпоху Екатерины Великой процессы секуляризации образа монарха, десакрализации (самоограничения) верховной власти, персонифицированные попытки фрондирования по отношению к престолу формировали содержательную повестку внутренней европеизации России. Например, в общественном сознании второй половины XVIII столетия «постепенно складывалась иная, альтернативная официальной трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного законом от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий» [Марасинова, 2017, с. 408]. Эта слабая тенденция была существенно усилена декабристами и стала важным объектом рефлексии в образованной части российского общества в Николаевскую эпоху.

«Декабристская история» явилась очевидным триггером долгосрочного процесса формирования официальной публичной сферы в российском интеллектуальном и политическом пространстве. Хабермас настаивал, что политическая публичность вырастает из «литературной публичной сферы», в которой генезис общественного мнения детерминирован актуальными дискуссиями в печатных изданиях. В данном случае важным «критерием публичности и публичного» является уход от опеки государства и церкви: механизмы публичной сферы предполагают наличие открытой дискуссии (дебата), критики государственно-властной линии, а также источника общественного мнения» [Несовершенная публичная сфера, 2021, с. 228]. В результате в краткой временной перспективе появляются публичные интеллектуалы, способные в силу своего образовательного уровня профессионально пользоваться печатным словом и не только влиять, но и создавать аттрактивное публичное пространство в обществе.

Существующие в историографии концептуальные размышления о разных режимах публичности включают в себя идею о «сильной» и «слабой» публике, которая артикулирует способность/неспособность влиять на принимаемые властью решения. Эта теоретическая конструкция имеет значительный функциональный потенциал при описании российских реалий XIX столетия. Методологически важно то, «что слабая публика, когда она возникает, уже создает определенную коммуникативную власть, пусть и слабую. Мы здесь видим скорее историческую эволюцию форм от слабых публик к сильным, в которой российский контекст лучше описывают именно возникающие слабые публики» [Там же, с. 74].

В весьма своеобразной, еще только возникавшей публичной сфере рождались яркие личности, имевшие прочную и достойную репутацию, готовые предлагать к обсуждению актуальную общественно-политическую повестку. Среди них невозможно пройти мимо П. Я. Чаадаева, видных представителей русского западничества и славянофильства, сторонников теории «официальной народности», известных литераторов и публицистов, печатавшихся на страницах периодики во второй четверти XIX в. Кружки, салоны, литературные общества, журналы стали площадками для квазипубличных дискуссий, в которых формировался отечественный феномен «селебрити».

В современной литературе предлагается интересная типологизация режимов публичности в России. В соответствии с ней период 1830–1850-х гг. попадает в границы режима «Пропаганды и ограничения», где присутствуют фазы ограничения публичных дебатов, активизация централизованной пропаганды, введение элементов цензуры и репрессий против критиков существующих институтов [Там же, с. 69]. Вместе с тем, несмотря на очевидные сложности властного политического реагирования, в 50–60-е гг. XIX столетия в отечественной общественной мысли завершается процесс формирования основных течений (радикализм, либерализм, консерватизм), перманентными практиками становятся публичные выступления (академические лекции и дискуссии, значимые дебаты по острой социальной тематике, рефлексия по поводу национального прошлого и настоящего, литературные и художественные споры и т.д.), существенно расширяется пространство интеллектуальной и развлекательной печатной продукции.

Развитие «печатного капитализма» [Anderson, 1983] в России, безусловно, оживило издательскую деятельность и способствовало увеличению количества газет и журналов с соответствующим ростом их тиражной популярности. В 1860 г. объем выпуска «толстых» журналов достиг цифры 30 тысяч экземпляров и до конца века возрос втрое [Рейтблат, 2009, с. 33]. В столицах (Санкт-Петербург и Москва) существовали несколько ежедневных и более трех десятков, публиковавшихся не столь регулярно газет [McReynolds, 1991, Table 1], а тиражи ведущих изданий могли достигать 5–7 тысяч.

Менялся не только языковой, но и исторический контекст публичного высказывания. Накануне и во время Великих реформ давление центральной власти ослабевает и, по мнению некоторых экспертов, в России формируется новый «режим публичности» – «режим закипания» (1860–1881), который характеризуется сочетанием вынужденной либерализацией «сверху», активными публичными дискуссиями и массовым недовольством или даже террором «снизу» [Несовершенная публичная сфера, 2021, с. 69]. К этому следует добавить очевидный факт поляризации в пространстве журнальной периодики, сопровождавшийся порой радикальной сменой политической ориентации ряда популярных изданий.

В конечном счете самые разнообразные процессы первой половины XIX столетия – от распространения романтизма в России и внешнеполитических событий отечественной военной истории (формировавших образ(ы) «героя(ев)», сильную и привлекательную личность), развития «печатного капитализма» (генерировавшего газетную и журнальную «революцию», появление публичных интеллектуалов и соответствующей среды их обитания), начала нациестроительства (актуализировавшего тематику «нации», «народности» и национализма) [Миллер, 2010] до возникновения новых литературных жанров (фельетон), специализированной журнальной продукции (театральной, художественной, развлекательной) и публичного интереса к сфере искусства (оперные примы, знаменитые актеры, гастрольная деятельность) – детерминировали генезис феномена «селебрити» в российском обществе.

Библиографический список

- Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.
- Лилти А. Публичные фигуры: изобретение знаменитости (1750–1850). СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018. 496 с.
- Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.

Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России: сб. стат. / сост. Т. Атнашев, Т. Вайзер, М. Велижев. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 744 с.

Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.

Т.Н. Грановский и его переписка. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1897. Т. II. 498 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. 160 p.

McReynolds L. The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press. Princeton: Princeton University Press, 1991. 328 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 23.08.2021

THE PHENOMENON OF "CELEBRITY" IN RUSSIAN PUBLIC SPACE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY: THEORETICAL FOUNDATIONS

K. I. Shneyder

Perm State University, 614990, Bukirev str., 15, Perm, Russia

kshneyder@yahoo.com

ORCID: 0000-0003-1762-0815

ResearcherID: I-9107-2018

In modern historiography, the phenomenon of "celebrity" attracts close attention of specialists and experts. The study of this phenomenon is closely related to the history of the emergence and development of the public sphere, publicity, public and public opinion. The article examines the historical context of the formation of the public sphere in Russia in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries; the conceptual points of Jürgen Habermas's model and Antoine Lilti's theory, which are the main methodological guidelines for investigating the construction of "celebrity" in public space; and the opinions of modern researchers on the issue. The author draws attention to the temporal features of the genesis of the public sphere in the conditions of the existence of an autocratic regime in Russia. The article presents a version of the multifactorial and multi-temporal history of the Europeanization of Russia in the 18th century, which in short period helped integrate Russia into the context of modern European processes. In accordance with it, the society first experienced "Peter's Europeanization", a purely foreign policy wave, thanks to which an imperial state emerged with the right to participate in European international affairs. The natural consequence of the previous period was "Catherine's Europeanization", an internal political wave that imported Western axiology, norms and practices of European governance, changes in the everyday life of the nobility, etc. into the country. The article contains an analysis of the concrete historical situation in Russia in the first half of the 19th century, which determined the time route of movement towards the establishment of a full-fledged public space in the society. In conclusion, the main factors contributed to the formation of the phenomenon of "celebrity" in the domestic public sphere are determined.

Key words: celebrity, public sphere, public, reputation, glory, Europeanization, history of Russia of the 19th century.

References

Anderson, B. (1983), *Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*, Verso, London, UK, 160 p.

Atnashev, T., Vaizer, T. & M. Velizhev (eds.), *Nesovershennaya publichnaya sfera: Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii* [Imperfect public sphere. The history of publicity regimes in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 744 p.

Khabermas, U. (2016), *Struktunoe izmenenie publichnoy sphery: issledovania otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshhestva* [Structural change of the public sphere: research on the categories of bourgeois society], Izd-vo «Ves' mir», Moscow, 344 p.

Lilti, A. (2018), *Publichnye phigury: Izobretenie znamenitosti (1750–1850)* [Public figures: celebrity invention], Izd-vo Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia, 496 p.

- Marasinova, E.N. (2017), «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroy poloviny XVIII veka: Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya ["Law" and "citizen" in Russia in the second half of the 18th century: essays on the history of public consciousness], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 512 p.
- McReynolds, L. (1991), *The News Under Russia's Old Regime: The Development of a Mass-Circulation Press*, Princeton University Press, Princeton, USA, 328 p.
- Miller, A.I. (2010), *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: essays on the methodology of historical research], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 320 p.
- Reitblat, A.I. (2009), *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 448 p.
- T.N. Granovskiy i ego perepiska (1897) [T.N. Granovsky and his correspondence], Tovarishestvo tipographii A.I. Mamontova, Moscow, Russia, Vol. II, 498 p.
- Zorin, A.L. (2004), *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 416 p.